

Ганс Гейнц Эверс

+ 2021/07
1906

ЦВЕТЫ СТРАСТИ

В переводах Элиаса Отуса

Журнал «Апокриф», спецвыпуск
(№132, 12 июня 2018)

Ганс Гейнц Эверс

ЦВЕТЫ СТРАСТИ

В переводах Элиаса Отиса

*Калининград
«Апокриф»
2018*

СТРАСТОЦВЕТ

Вот, на столе стоит,
в зелёной вазе извиваясь,
крутясь, вертясь, то здесь, то там,
слаб, изнурён — чахоточные губы!
О Страстоцвет!
Мучительным, предсмертным вздохом,
мальчишки тонущего вскриком —
о страсти цвет!
Дрожит, благоухает —
болезненно, злоторно,
бессильно, чахло, будто в жалком кашле,
трепещет, на меня взирая робко,
не то ропща, не то возжаждав мести,
как грешны очи виселичных птиц!
— О, я тебя узнал, цветок-притворщик,
тебя с твоей надменною роднёй:
страдальца Генриха, бедняжку Женевьеву,
и страждущего дурня на кресте,
и паладинов с бледными щеками
и безднами зияющими ртов!
Я знаю всех! И всех вас ненавижу!
— Эй, тусклый, сладострастно вялый цвет,
лей всеу Назарянина отраву:
я неподвластен, я схватил тебя,
и смял, и разодрал цветы и стебель,
с живым проклятьем
всё низверг
в окно —
на грязную, зловонную дорогу —
тебя, о Страстоцвет!

ОРХИДЕИ

Когда стал женщиною Дьявол,
и Лилит
скрутила чёрны косы в тяжкий узел,
и бледная глава
кудрявой мыслью Боттичелли
обвивалась;
когда она устало улыбнулась
изящным пальцам тем
в золотых перстнях с бесценными камнями;
когда она любила Гюйсманса,
Вилье читала
и безмолвию внимала Метерлинка,
и душу окунала в многоцветье
стихов д'Аннунцио,
— она смеялась вновь.

Когда смеялась —
юная царевна
змеиная вдруг вырвалась из уст.
Тогда она, прекрасная чертовка,
ту змейку окольцованным перстом
ударила — и поразила вмиг
царицу змей.
Та корчится, шипит,
шипит, шипит,
слюною брызжа!
Но Лилит смешала капли
в тяжёлой медной чаше
с сырой землёй —
землёй холодной, чёрной,
рассыпанной кругом.
Чуть обвились её большие руки
вокруг
тяжёлой этой медной чаши,

чуть напевали древнее проклятье
её смертельно-бледные уста —
как детский стих, её звенела брань,
нежна и томна, словно поцелуй,
что пил из уст её
сырую землю.

Но семя жизни зарождалось в чаше —
и соблазнялось томным поцелуем,
и соблазнялось нежным звуком песни:
ползли из чёрной почвы
Орхидеи —

Когда любимой
бледные черты в зеркальной глади
обвиты змеями маэстро Боттичелли,
из медной чаши выползают
Орхидеи —

Цвет Дьявола; в них древняя земля,
змеиный яд, Лилитовы проклятья,
смешавшись, породили их на свет.
О Орхидеи
— Дьявола цветы!

ХРИЗАНТЕМЫ

Кэти, читающая мои песни,
хочет, чтоб я написал
о хризантемах,
о хризантемах —
цветах, что так любит Кэти.
И вот я сажусь за стол,
я кладу лицо на ладони
и ищу, и ищу
душу этих цветов.
И я думаю:
Да, — мне известны два образа,
что помогут на этом пути;
Первый — утончённый набросок француза
Пьера Лоти. Ощутил их и описал он
в «Мадам Хризантеме»,
в туманных тонах «Мальчишки из Глазго»
он заимствовал образ у Вистера,
приняв за виденье своё. —
Но цветок сей мне молвит иначе,
нет, я не в силах найти его слабого звука,
понять его суть —
может, мне поискать её снова —
и образ второй?
В моей матери доме
я повесил на стену
гравюру
с Мадонной,
нанесённую
на прекрасный белый хрусталь,
обрамлённую чёрным.
Сикстинскую — и с обеих сторон
есть две маленьких полки, на них —
огромные серые вазы.

В вазы мать
ставила всегда хризантемы,
одни хризантемы.
Почему лишь одни хризантемы?
Да, там должна же быть мальва —
Красная, белая, лиловая мальва!
Я ищу душу этих цветов.
Почему я никак не найду?
Мне надо спросить у Кэти!
«Кэти! О Кэти!»
Кэти приходит и качается в кресле!
«Ах, ты такой дурачок! — думаешь, думаешь,
созерцаешь и размышляешь — да так и не ска-
жешь
ничего о любимом моём цветке?
Так послушай:
пастушка-кокетка из Трианона
на праздник
оплела хризантемами посох
своего пастушка —
на шарах его Кэти смеялась, плясала,
на плечах её белых смеялись
разноцветные хризантемы,
развеваясь, как листья,
как пастушья гирлянда цветов на ветру.
Позабыв о тревогах и бедах
и на пару недолгих часов
сладким ласкам предавшись в любви,
ими бедное полня сердечко!
Вот — поверь мне — и всё!»
И я встал на колени:
«Кэти, дай лобызать твои плечи,
лобызать те цветы на плечах,
хризантем твоих блеск — Катерина!»

ГИАЦИНТЫ

Я срываю сотни гиацинтов.
Ляжет многоцветье гиацинтов
да на белый шёлк.
Крупных алых, синих гиацинтов,
крупных жёлтых, белых гиацинтов,
пурпурных, лиловых гиацинтов.

Я склоняю голову пред ними,
погружаю лоб свой и виски
прямо в многоцветье гиацинтов.

Я целую яркие букеты,
бело-красно-жёлтые букеты,
я тону в дыханье гиацинтов.

Дивно-нежны женские ладони,
что меня укрыли —
возлежит глава на дивно-мягких
женских грудях —
женский поцелуй закроет очи,
обвивают шею, дивно-сладки,
мягки руки женские.

О, я чую лёгкость поцелуев,
мягким трепетаньем тешат кожу,
нежно утишая боль мою.

О, я чую дивные ладони,
ублажают локоны сырые,
нежно рану исцеля мою.

И из женских рук и поцелуев
льются ароматы станов женских,
дивны ароматы станов женских.

В ароматах — сладость летних вѣтров,
вьющихся вокруг на белых крыльях,
мягких волн чарующих аккордов,
что пронзают мне все фибры плоти.

Ароматы! Свежесть женских грудей
льѣтся по щекам моим горячим,
в сумерках трепещут мои чувства
в сладких ароматах женских грудей.

— Рву я гиацинты, гиацинты,
сотни многоцветных гиацинтов,
я ныряю в краски гиацинтов.
Я купаюсь в женских поцелуях,
в ароматах сладких женских грудей,
в сладких ароматах гиацинтов.

АСФОДЕЛЬ

Мы по лугам
вдвоём гуляли,
Анни Вентнор и я,
когда мы поднялись
от Матромании до Арко,
ей захотелось отдохнуть,
изящной англичанке истеричной
и дурно, дурно астматичной
в неполных тридцать пять.
Затем мы пошагали дальше,
к Монте-Тиберио,
затем пошли вдвоём
по лугу асфodelей,
леди Вентнор и я.

Мы шли по лугу
и дошли до моря,
оно вздымалось глубоко под нами,
и дошли до солнца,
вечернего,
оно тонуло там,
далёко за Мальоркой.
И мы дошли до смерти,
что всякий раз сажала
священный свой невянувший цветок —
цвет асфodelя,
— шли мы молча
к смерти,
Анни Вентнор и я.

Закатное светило
сочилось мне в глаза,

сочилось в карие глаза
Анни Вентнор,
в её усталость, боль, мольбу.
Мы знали:
— Будет всё теперь прекрасно!
Я взял её на руки
и прыгнул с ней легко
туда,
где море, солнце,
счастье обитало!
Прыжок — и вскрик:
— Анни Вентнор и я!

И всё ж я знал:
сегодня вечером
я буду там, внизу,
сидеть с офицерём,
играть во флай и покер,
и пить абсент,
и петь под мандолину.
Смеяться,
тарантеллу танцевать
со шлюхами —

и всё ж я также знал:
— Сия Анни Вентнор
к любовнику
в Неаполь уплывёт
под утро.
Он швейцар
в большой
палате клиринговой MELE,
он безобразный мавр,
тупой, вонючий, безобразный мавр,
смеющийся над этой истеричной
графиней...

И, в залог объятий новых,
дарящий свежие,
красивые банкноты.

Я это знал.

— И мы вдвоём ходили,
Анни Бентнор и я,
среди дивного коринфского беззвучья
по асфоделевым лугам...

БЕЛЫЙ ШИПОВНИК

I

Раскинулся за Сан-Джакомо сад
старинного, возвышенного, рода —
семьи каприйца Николя Вуото.

Вот, предстоит тебе пройти сквозь сад,
коль следуешь до сарацинской башни,
Марлатто, что цеплялась за обрыв.

Коль будешь, незнакомец, осторожен,
поднимешься козлиной тропкой к морю:
и бросишь камни тяжкие в Вуото.

Но в башне той будь также осторожен:
коль ступишь на коварную плиту,
низринешься с неё в морские волны.

— Когда же снимешь туфли, незнакомец,
сними чулки и в руки нож возьми,
надрежь пяту и успокой порез,

чтоб кровь твоя сочилась лишь слегка:
она легко твои облепит стопы
и гладкие каменя Кастильоне.

Теперь тебе взойти немного выше —
и ты узришь, как на отвесных скалах,
белея, куст шиповника цветёт.

Вцепляйся, путник, глядя лишь на розы,
в сей куст, ни взгляда вниз не урони,
где моря синь волнуется, маня,

где много белокурых юных немцев
чела разверзли на солёных скалах,
крови багрянец с синевой смешав,

— О, я воздону ясны очи горе,
встречая солнце в море и ликуя,
ликуя, что срываю свой шиповник!

II

Коль ты взойдёшь немного над верандой,
увидишь пред собою Сан-Терезу,
бурбонских лет свидетельный дворец.

Приди туда, спроси о Господине —
и приведут тебя в прохладный зал;
се есть чертог стареющего Герна.

В былые дни он мчался на коне,
драгун лихих могучий предводитель,
летающих через французские поля.

В былые дни был остр его клинок,
когда взвивался перед эскадроном,
зовя сынов Италии на бой —

а нынче он неспешно век влачит
в прекрасном зале сей земли прекрасной,
живя теперь искусством и мечтой.

Коль бледные его узришь ланиты —
привет от соплеменника-поэта,
кого он привечал здесь, передай,

кто восхвалял его изящный профиль,
и узкие, точёные ладони,
и бездну тишины его чертога.

III

Я возвращался молча в Сан-Терезу,
я нёс неспешно белый свой шиповник
в хладнейший из своих холодных залов.

Я в вазе из базальта воду нёс
и в бездне тишины своих чертогов
с шиповником сидел наедине.

О диво! — как смеётся мой шиповник,
в невероятной бездне тишины,
в возвышенной невинности смеётся!

Но этот смех его звучит как плач,
— как плач без слёз, как безрассудный плач,
как отзвуки нелепых детских песен —

нелепых песен, будто водевиль
«Пяти Сестёр», что пелся в зимнем саде
для остроумных жителей Берлина.

Как Саломеи, пляшущей в Помаре:
— ради главы Предтечи Иоанна! —
жестока та высокая невинность!

Она была жестока — даже нервы
ей щекотало сладкое желанье
распутной жажды, сей жене библейской,

пусть ни одна кровавая волна
не протекла по этим тонким пальцам,
в глазах её не обитало света.

Её жестокость — будто белый мрамор,
она бела, как шёлковое платье,
она бела, как белый мой шиповник!

Она встряхнёт чарующей головкой,
взовьётся, ручки сложит, поклонится
и улыбнётся бледными губами:

«Папа не купит стрелы и лук,
Папа не купит стрелы и лук.
Пусть со мной моя киска,
И люблю её тискать,
Но всех лучше — стрелы и лук, тук-тук!»

— Да, она пела так — и улыбалась,
но этот смех её звучал как плач,
как плач шиповника, что я принёс домой.

Спроси: о чём ты плачешь? — засмеётся.
В невероятной бездне тишины,
в невинности высокой засмеётся.

Смех — без желанья, плач его — без слёз. —
Вот отголосок этих странных песен,
нелепых, безрассудных детских песен.

В прохладном зале сей шиповник тускл,
и бледен, и диковинно трепещет,
в возвышенной невинности белея.

— о чём смеётся — сможешь ли понять?

КАШТАНЫ

«Катлин МакМёрдок!
Так меня зовут!»
— когда она своё промолвит имя,
ты чувствуешь:
неутолимость!
Взгляни же
вновь,
как стирает пальцы —
взгляни,
как губ магнолии
разверзла,
пока, дыханьем влажным Сатаны,
течёт сквозь стиснутые зубы
её дыханье.
А теперь
смотри,
как тонкие её набухли ноздри,
когда они вкушают —
силу: ведьма
так жадно, похотливо поглощает
фалличный аромат
цветов каштана.

— О да, поверь, мой друг:
Катлин МакМёрдок,
что мчится в мире, жаждущем любви,
что служит Афродите, что лобзает
Сафо, любовь которой — содомия, —
Катлин МакМёрдок,
что на Чёрной Мессе
бывала жрицей —
Филопигос!
— она —
вкушает запахи —
цветов!

Смотри!
Сидит, безмолвна, у окна,
пока, недвижим,
стоит гигант,
каштановое древо —
обширен, горд, недвижим,
протягивает сильные ладони,
в каждой он
несёт соцветий жертвенные свечи.

О, возмутительно:
она, Катлин МакМёрдок,
бесстыдно предалась любви
с каштановыми этими цветами!

Вбирает аромат в — себя!
Ты чуешь?
— чуешь нынче?
Се — издревле победоносный запах,
неистовый,
единый, благовонный,
миров творец, его источник — фаллос!
Вот так сидит она,
Катлин МакМёрдок,
окружена дождём,
вбирает жизнь —

Вот так сидит —
и всасывает телом
сей сладострастный аромат мужчины,
она сидит — о женщина! о самка! —
возбуждена
от головы до ног!
Склонись, коль ты художник!
И почувешь
чудовищное пламя ароматов,
что пелось Саломеей, жглось Сала́мбо:
— неутолимость!

ИРИС

Туман предрассветный,
туман предрассветный и зыбкий повсюду лежит,
укрывая едва пробуждённое тусклое солнце.
Но влажно он благоухает,
когда пробирается странник
под ним легкошопый,
когда пробирается юноша
в мире туманном,
шагает решительно, страстно
по влажным лугам,
всё дальше
и дальше
идёт, легконогий.

И Ирис, сверкающе-синий, решителен тоже,
безмолвен и одинок
под сырым
предрассветным туманом,
решительно он распустился
на влажном
лугу —

Спроси у скитальца, куда он идёт,
спроси же его, что ж он бродит один —
он тихо плечами пожмёт
и отправится
дальше,
всё дальше.
— Сей путь беспричинен,
безволен, безмыслен,
бесцелен:
он только движенье, он тяга, он ритм
сквозь сырой
предрассветный туман,
да по влажному
лугу —

Вдали не стихает
его легконогая поступь.
Вдали не растаял
и Ирис, сверкающе-синий —
А знаешь ли страсть,
что сим странником
движет в тумане?
А знаешь ли пыл,
что в цветке том,
сверкающе-синем?

О да, ты их знаешь:
в тебе они, скрыты в тебе!

Биография Ганса Эверса¹

---

¹ Пер. Евгения Крутова, ред. Дмитрий Квашнин, <https://vk.com/club4189458>

Ганс Гейнц Эверс (дата рождения — 3 ноября 1871 г., Дюссельдорф; дата смерти — 12 июня 1943 г., Берлин, урождённый *Ганс Генрих Эверс*) — немецкий писатель, режиссёр, путешественник и кабареист. Его истории вращаются вокруг тем фантастики, эротики, искусства и, соответственно, самих деятелей искусства, а также путешествий по экзотическим странам. Из-за своих преувеличенно резких суждений он стал скандально известным и хорошо продаваемым автором, но в то же время его работы постоянно подвергались нападкам. Их считали тривиальными, аморальными и даже порнографическими.

В своей чрезвычайно насыщенной жизни Эверс совмещал весьма противоречивые позиции. Например, с одной стороны он выступал за равноправие евреев, но с другой — в 1931 году присоединился к НСДАП² и был вовлечён в пропагандистскую деятельность. В 1934 году его работы запретили публиковать.

Детство и юность

Ганс Гейнц Эверс родился в семье художников. Его отец, Гейнц Эверс, был придворным художником у Фридриха Франца II Мекленбургского³, а его мать, Мария Эверс (урождённая Верт;

---

² Национал-социалистическая немецкая рабочая партия. Существовала с 1920 по 1945 гг.

³ Великий герцог Мекленбург-Шверинский с 7 марта 1842, правнук российского императора Павла I.

Бонна, 1839), сочиняла вместе с маленьким Гансом сказки. Также она переводила с французского труды Фредерика Боте и Клода Фаррера.

Помимо родителей и самого Эверса, семья состояла из бабушки Марии из Верта и младшего на два года брата, Эрнста Гюстава, который в дальнейшем вступил в императорские военно-морские силы и в 1920 стал контр-адмиралом Рейхсмарине⁴. Он жил в собственном доме на Иммерманнштрассе, 22, в Дюссельдорфе.

Эверс был застенчивым и мечтательным мальчиком с необузданной любовью к животным и при этом упрямым. Эти качества он потом передаст своему герою — Франку Брауну.

В Дюссельдорфе Эверс ходил в начальную школу и королевскую гимназию. Юноша быстро начал конфликтовать с принятой системой образования. Часто он получал неудовлетворительные отметки по математике, однако преуспевал в языках и написании эссе. С неприязнью к школе и учителям Эверс не смог расстаться до самой смерти.

К 17 годам он начал писать стихотворения. Его первая поэма была посвящена недавно погибшему императору Фридриху III, которая в дальнейшем стала гимном всех венценосцев германской Империи.

Другой же темой его стихотворений была любовь. Юный Эверс очень быстро влюблялся и писал объектам своей страсти пылкие послания или гневные стихи ревности, если был отвергнут.

Образцом поэтического искусства стал для Эверса Генрих Гейне, который тоже был родом из Дюссельдорфа.

В это же время в нём проснулось желание стать писателем или торговцем, или «кем-то ещё таким, чтобы можно было мир посмотреть».

12 марта 1891 г. Эверс кое-как поступил в высшую школу, после чего он, как и его ровесники, был привлечён к военной

---

⁴ Официальное название германских военно-морских сил с 1921 по 1935 гг. во времена Веймарской Республики и первые годы Третьего Рейха.

службе. Вступил в первый гвардейский гренадерский полк императора Александра⁵ в Берлине. Там ночная жизнь большого города была для юноши намного важнее службы. На 44 день его отстранили из-за близорукости.

Учёба и студенческая жизнь

2 мая 1891 г. Эверс поступил на факультет права в берлинском университете имени Фридриха Вильгельма, как и его литературные кумиры — Генрих Гейне и Э.Т.А.Гофман, которые тоже изучали юриспруденцию.

В ноябре 1892 г. он перевёлся в университет Фридриха Вильгельма в Бонне.

В 1893 г. проучился два семестра в Женеве.

В 1894 г. сдал первый государственный экзамен по праву в Бонне.

---

⁵ Полк был сформирован в 1814 году и назван в честь российского императора Александра I, который стал первым его полковником. Был расформирован в 1920 году.

Учёба, однако, интересовала Эверса меньше, чем ночная жизнь, которую он вкусил в полной мере. Он присоединился к студенческому клубу *Corps Normannia Berlin*, где приобрёл репутацию задиры. Эверс часто ввязывался в дуэли на шпагах, из которых выходил с множеством шрамов. В своём романе «Вампир» Эверс подробно описал эти переживания. После очередной неудачной дуэли в июне 1982 г. он был исключён из клуба.

В Бонне он присоединился к студенческому объединению *Corps Guestphalia*, откуда тоже был исключён из-за дуэлей.

В 1932 г. он снова стал членом клуба *Corps Normannia Berlin*.

9 февраля 1934 г. его также приняли в студенческое объединение *Alemannia Wien*.

Стажировка

Эверс стажировался в Нойсе и Дюссельдорфе. Он пренебрегал правом и демонстративно был неряшлив в работе. Вместо этого он изучал литературу, философию, оккультизм и гипноз. Именно этой теме посвящены его поздние романы и новеллы, но наиболее детально она раскрыта в его первом романе «Ученик Чародея».

В это время Эверс восхищался ирландским денди и писателем Оскаром Уайльдом, который был приговорён к каторжным работам за распутство (в данном случае — гомосексуализм). Это событие привело к первому разочарованию Эверса в изучаемой правовой науке, так как он не принимал принцип равенства всех перед законом. В новелле «Господа юристы» (1905) он, например, писал:

«Что такое смиренный дом для человека универсально-образования и наитончайшей культуры, Оскара Уайльда? Справедливо он осуждён или несправедливо, относится ли осудивший его знаменитый параграф к средним векам или не относится — это совершенно безразлично. Но суть в том, что то же самое наказание для него в тысячу раз тяжелее, чем для всякого другого»⁶.

Хотя оккультизм и спиритизм и оказали сильное влияние на Эверса, он подошёл к этой теме довольно критически. Так, 11 декабря 1895 года он, вероятно, сорвал спиритический сеанс и был вызван на дуэль одним из разгневанных участников сеанса из-за того, что не соблюдал правила. Происшествие повлекло за собой разбирательство, которое продолжалось полтора года. О нём даже писали в газетах.

В 1897 г. Эверс, в конце концов, был приговорён к четырём неделям заключения в Эренбрайтштайне и отстранён от гражданской службы. Воспоминания о заключении художественно перенесены в его второй роман «Альрауне».

---

⁶ Перевод: Рагулин Игорь.

Второй государственный экзамен Эверс не сдал. Тем не менее, 7 ноября 1898 г. в университете Лейпцига ему таки присудили докторскую степень в области права. Об этом Эверс упоминал при каждом удобном случае.

В Лейпциге же у Эверса родился его единственный ребёнок — внебрачная дочь, которую мать отдала в приют Красного Креста.

Кабаре, фельетоны, сказки, книги для детей

Теперь Эверс погрузился в философию Макса Штирнера, который отвергал любые авторитеты, отрицал существование общепринятых ценностей и толковал эти ценности как, в конечном счёте, субъективные. Влияние Штирнера на Эверса нельзя переоценить. В своих поздних текстах он признаёт свой индивидуализм и ярко выраженный эгоцентризм, что явно проистекает из философии Штирнера.

Эверс выступал против закоснелых устоев морали. Он даже отдал первую свою работу на публикацию в журнал для гомосексуалистов «*Der Eigene*».

В это время Эверсом заинтересовался Эрнст фон Вольцоген и в 1901 г. пригласил его в Берлин для совместной работы над кабаре в варьете *Бунтес Театр*.

Эверс писал сатирические тексты и исполнял их с таким успехом, что вскоре они стали уличными песенками в Берлине. Так он вошёл в литературный круг Берлина и свёл знакомство, в числе прочих, с вольнодумцем Бруно Вилле и анархистом Эрихом Мюзамом. Его первые книги и сборники кабаре-лирики выпускались под его собственным именем и были бестселлерами.

В 1901 году Эверса повысили до художественного руководителя варьете.

15 мая 1901 года он женился на Каролине Элизабете Вундервальд (1875-1957), сестре художника Вильгельма Вундервальда (1870-1937) и кузине художника Гюстава Вундервальда (1882-1945), с которой он долгое время встречался. Он познакомился с нею в 1895 году на встрече союза художни-

ков. После бракосочетания она стала зваться Ильна Эверс Вундервальд. И с этого момента она также работала в варьете и делала иллюстрации к его последующим книгам.

Несмотря на большой успех, Эверс не был удовлетворён своей работой в кабаре. Он хотел быть известен как поэт, но его знали только по вульгарной лирике и сценическим способностям. Кончилось тем, что он рассорился с Эрнстом фон Вольцогеном и организовал собственную труппу. Так у варьете появился конкурент, *Современный Театр*, в котором Эверс придерживался более традиционного театрального формата. Дальнейшая конкуренция между оригиналом и подражателем была такой яростной, что вскоре варьете Эверса перестало приносить доход.

Эверс и его супруга на год переехали на итальянский остров Капри, который с 1900 года был почти раем для богатых, красивых и жизнерадостных, где можно было вдали от мещанской морали купаться нагишом. Либеральная атмосфера на острове привлекала даже гомосексуалистов.

Здесь Эверс начал свою деятельность как писатель-путешественник. Он сочинял очерки о своих путешествиях и отправлял их в различные немецкие газеты. В дальнейшем эти очерки были объединены в сборник «Моими глазами».

В 1909 г. вышел сборник «Пересекая латинский мир».

На Капри Эверс также сочинил серию сказок.

Вернувшись в Берлин, он писал детские сказки в стихах под псевдонимом Дядюшка Франц вместе с Эрихом Мюзамом. Иллюстрировал их Пауль Хейзе. В то же время вместе с Мюзамом, а также Виктором Хадвигером, Рене Шикеле и доктором Вальтером Блэсингом (общий псевдоним группы авторов, как писал в своих мемуарах Мюзам), Эверс создал путеводитель по современной литературе, дополненный карикатурными портретами 300 авторов. Эта книга переиздавалась несколько раз.

В 1904 г. в супружеской жизни Ильны и Эверса настал кризис. Они жили отдельно друг от друга — Эверс в Берлине, Ильна в Дюссельдорфе с матерью. В 1912 г. они развелись. А Эверс

начал употреблять алкоголь и другие вещества (гашиш и мескалин) и использовать дурман как вдохновение. «Дурман и искусство» — так называлось одно из его эссе. И именно они были двумя неотъемлемыми элементами его работ.

Путешествие перед Первой мировой войной

Своё самое масштабное путешествие Эверс начал в 1905 году. Оплачивалось оно гонорарами от газет, в которые он направлял свои очерки. Эти очерки позднее вошли в сборники «Моими глазами» и «Из семи морей» вместе с очерком «Индия и я». Эти антологии выходили не по инициативе Эверса, на что он явно намекает в предисловиях данных книг. Однако гонорары за них он принимал с удовольствием. Ещё одним важным источником дохода для Эверса было сотрудничество с «Гамбург-Америка Лайн»⁷. Он получил возможность бесплатно переправляться на её судах в обмен на то, что будет упоминать эту судоходную компанию в своих текстах и оставлять о ней положительные отзывы. Эверс отлично с этим справился в очерках, вошедших в «Моими глазами», и даже в его романе «Вампир» есть моменты, которые можно расценивать как скрытую рекламу.

Именно во время этого путешествия он написал основную часть своих новелл и романов. К каждому тексту в названии Эверс добавлял краткое пояснение — особенность, которую многие современники, критиковавшие Эверса, активно высмеивали.

В начале этого путешествия Эверс вместе со своей супругой Ильной Эверс Вундервальд посетил Испанию в 1904 г. Там его очаровала Альгамбра, описание которой присутствует в его эссе 1909 года «Эдгар Аллан По». Однако общее впечатление от страны у Эверса было крайне негативное. Особенно его ужасали бои быков и часто наблюдаемое жестокое обращение с животными. Ведь Эверс, как известно, любил животных. Всё же со

---

⁷ Предприятие, основанное в Гамбурге в 1847 г. для совершения рейсов через Атлантический океан.

временем он несколько изменил своё мнение. Позднее в «Из семи морей» он даже написал: «Больше всего и даже ещё сильнее люблю я Испанию».

В Испании Эверс нашёл вдохновение для своей самой известной новеллы «Соус из томатов» (1905), подробного описания петушиных боев в горах Андалусии⁸. Когда он публично декламировал свой «Соус из томатов», среди зрителей случались обмороки. Благодаря сочным и подробным описаниям новеллу можно считать прародителем сплэттера⁹.

Далее, в 1906 г., супружеская чета Эверсов направилась в Центральную Америку. Там Эверс начал свой первый роман «Мастер», который, однако, вышел в свет под названием «Ученик Чародея, или Охотники на дьявола» в 1909 г.

В Центральной Америке они посетили Кубу, Мексику и Карибский бассейн.

Центральная Америка Эверса не впечатлила. В ней он главным образом увидел лишь жалкое подражание европейской культуре. Правда, он был очень воодушевлён Гаити. Именно об этом путешествии он писал в дальнейшем чаще всего.

Ещё его очень заинтересовал культ вуду. Он присутствовал на одной вуду-церемонии, во время которой было очень правдоподобно инсценировано жертвоприношение.

Третье путешествие Эверс совершил в 1908 г. И это был первый раз, когда он пересёк экватор в сторону Южного полушария. И снова его спонсировала «Гамбург-Америка Лайн». Эверс проплыл вдоль побережья Бразилии к Аргентине. От Буэнос-Айреса Эверс добирался речным пароходом до Асунсьона в Парагвае. Назад в Буэнос-Айрес путь проходил через Рио-де-Жанейро, а потом он вернулся в Европу.

---

⁸ Речь идёт о боях между людьми, по ярости напоминающие петушиные.

⁹ Поджанр фильмов ужасов, в котором акцент преднамеренно делается на предельно натуралистичной демонстрации крови, внутренностей и на графическом насилии, путём использования спецэффектов, искусственной крови, мяса животных и т. п.

Очерки об этих путешествиях публиковались в ежедневниках, а также вошли в сборник «Моими глазами».

«Гамбург-Америка Лайн» была крайне не удовлетворена сотрудничеством с Эверсом, когда тот довольно резко написал об Аргентине. Якобы аргентинское правительство угрожает обществу торговыми репрессиями.

Во время своего четвёртого путешествия Эверс посетил Индию, Южную Азию, Китай и Австралию в 1910 г. Расходы покрывали «Гамбург-Америка Лайн», «Дойчер Ллойд» и издатель Эверса Георг Мюллер.

Индия произвела на него двойственное впечатление. С одной стороны, он был очарован экзотичностью этой страны, архитектурой Тадж-Махала и несметными богатствами индийского махараджи. Но, с другой стороны, он не мог ни постичь, ни понять индийскую культуру.

Из Коломбо путешествие продолжилось в сторону Австралии, где Эверс посетил Аделаиду, Перт и Сидней. Австралия подействовала на него отрезвляюще. Очерков об этом путешествии не было.

Затем его путь пролегал через Германскую Новую Гвинею, Филиппины, Гонконг и, возможно, Шанхай, только отзывы об этих местах не задокументированы. В своём сборнике «Из семи морей» Эверс рассказывает, что был в Сингапуре, а в своей последней новелле «Самые прекрасные руки в мире» (1943) поведал о своём пребывании в Китае.

Режиссёр, сценарист, продюсер

В 1913 г. Эверс присоединился к молодой кинокомпании. Кино в то время ещё не рассматривалось как вид искусства, скорее оно было «ярмарочным развлечением для толпы». «Дойче Биоскоп» — первая кинокомпания, которая производила фильмы с претензией на художественность, в 1912 г. заключила договор о сотрудничестве с Эверсом и актёром Паулем Вегенером.

Первым совместным проектом Эверса и Вегенера стал фильм «Обманутый» (1913), который в глазах обоих стал художествен-

ным разочарованием, но «Пражский студент» (1913), второй фильм Эверса и Вегенера, был воспринят как художественный фильм, а затем и как прорыв в киноиндустрии. Эверс написал сценарий к фильму, а Вегенер совместно с датчанином Стелланом Рюэ срежиссировал его и руководил съёмками в старом городе Праги.

История студента Балдуина, который продал своё отражение, напоминает по сюжету рассказ Альберта фон Шалиссо «Удивительная история Петера Шлемиля» (1814), рассказ Э.Т.А. Гофмана «История о пропавшем отражении» (1815) и роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1890).

Вместе с Вегенером и Рюэ Эверс перед началом Первой мировой войны выпустил ещё несколько фильмов, но большая часть из них на сегодняшний день утеряна, в числе прочих также «Айсбраут» (1913) по новелле Эверса «Конец Джона Гамильтона Ллевелина» (1907), который не прошёл цензуры из-за обнажённой сцены и был запрещён.

В это время Эверс был на пике своей популярности. Он даже получил единственный в своей жизни приз на конкурсе красоты для мужчин, за что часто подвергался насмешкам недоброжелателей.

Кроме того, Эверс выпустил книжную серию «Галерея фантастов», в которой были собраны сочинения известных авторов, таких как Э.Т.А.Гофман, Эдгар Аллан По, Карл Ганс Штробль, Оскар Паницца и Альфред Кубин. И, тем не менее, финансовое положение Эверса было тогда плачевным, поскольку гонорары от издателя, Георга Мюллера, были либо скудными, либо не выплачивались вовсе.

Первая мировая война: пропаганда в США

В пятый раз Эверс выбрался за границу в 1914 г., направился в Южную Америку и объехал её полностью. Путешествие началось от бразильского Рио-де-Жанейро до Монтевидео в Уругвае, продолжилось в Аргентине через Огненную землю и Магелланов пролив в Чили. Там, в Антофагасту, прибыл корабль с новостной телеграммой об убийстве наследника австрийского престола в Сараево. Эверс отправился дальше через тогда ещё официально не открытый Панамский канал в сторону Коста-Рики и Ямайки, а уже оттуда в Нью-Йорк, куда он прибыл как раз в день, когда Австрия объявила войну Сербии.

В течение Первой мировой войны Эверс оставался в США. Он обосновал это решение тем, что, по его мнению, у немца просто не было возможности отправиться на корабле в Европу, поскольку в данной политической обстановке он мог оказаться в плену у британцев. Этим его часто попрекали во время его возвращения. Позже он озвучил другую версию: они уже наполовину пересекли Атлантический океан, когда капитан сам развернул корабль, чтобы не оказаться в плену у британского флота. Эта версия, однако, противоречит тому, что Эверс писал своей матери или в книге «Страна Янки» (не была опубликована) и в романе «Вампир», в котором он литературно описал время своего пребывания в США.

Кроме того, Эверс оставался в США ради пропаганды в пользу Германской Империи. Он писал статьи для немецко-английских журналов и направлялся немецким пропагандистским кабинетом по стране, чтобы произносить речи во славу Германии, собирать пожертвования от сторонников и участвовать в дебатах. Вероятно, он был вовлечён и в разного рода подпольную деятельность. Надёжных доказательств тому крайне мало, но доподлинно известно, что в 1915 г. Эверс был впутан в аферу с поддельными паспортами.

И всё это не мешало ему продолжать заниматься художественной деятельностью. Так, он говорил о серии фильмов (на сегодняшний день утерянных), к которым тогда писал сценарии.

Его книга «Страна Янки», посвящённая его работе на германскую пропаганду была анонсирована его издателем, но так и не опубликована.

Одной из немногочисленных сохранившихся с того времени работ был сборник «Немецкие военные песни» (1914). Вильгельм II одной из этих песен «Мы и мир» подбадривал своих генералов. А потом император велел напечатать это стихотворение и раздать его немецким солдатам. Также некоторые из его военных песен были включены в школьные учебники.

В США, в числе прочих, Эверс познакомился с Алистером Кроули, будущим сторонником Гитлера Эрнстом Ганфштенгелем и со своей будущей супругой, Жозефин Бюмиллер.

Американской разведке было известно о подпольной деятельности Эверса, и в 1918 г. он был арестован по подозрению в причастности к покушению. Сначала он находился под стражей в нью-йоркской тюрьме, а затем переведён в Оглиторп в штате Джорджия. Там он провёл один год в так называемом лагере для миллионеров, куда направляли пленных со связями. Но, несмотря на сносное обращение, к моменту своего освобождения Эверс был болен и истощён.

Сначала ему запретили покидать страну, а его работы не допускались к печати. Оба запрета были сняты в 1920 г., и он даже получил разрешение выехать за границу.

3 июля 1920 г. Эверс отправился домой. В начале августа, спустя шесть лет, он наконец-то снова был в Германии.

Задержка в США сыграла очень важную роль в жизни Эверса. С этого момента его карьера начала медленно, но верно катиться вниз. И под впечатлением от репрессий, а также после пребывания в плену как интернированный с 1918 по 1919 гг., Эверс пересмотрел свои политические взгляды. До сего времени он считал себя частью «культурной нации», так называемой наднациональной культурной элиты. Во время своего пребывания в США он ещё сильнее идеализировал образ Германии. В его третьем романе «Вампир», «заглохшем романе в обрывках и красках» (1920), Эверс передал эти чувства с помощью своего альтер-эго — Франка Брауна.

Двадцатые годы. Попытки вернуться

По возвращении в Германию Эверс попытался снова встать на ноги, но из всех его многочисленных планов реализовать удалось совсем немного. Вместе с ещё несколькими проектами ему удалось написать либретто на немецком для одного мюзикла. Со всех сторон ему напоминали о том, что всю войну он

отсиживался в США. Общество было настроено против Эверса, и его финансовое положение было плачевным.

Он начал тяжбу со своим издателем Георгом Мюллером, дабы получить свои невыплаченные гонорары. Но первоначально он пытался удержаться на плаву за счёт своих очерков об Индии и «Религии Сатаны», которые пользовались огромным успехом до начала Первой мировой.

В 1920 г. был опубликован роман «Вампир», написанный в США.

В 1921 г. он обвенчался с прибывшей в Германию Жозефин Бюмиллер.

На острове Бриони он завершил работу над своим последним сборником «Ночной кошмар. Страшные рассказы» (1922). Как и в «Вампире», местом действия выбрана Америка.

Во время короткого выступления на литературной сцене, декламируя отрывок из романа Фридриха Шиллера «Духовидец», Эверс заявил, что хотел бы дописать это неоконченное произведение. Этот «совместный труд» также появился в 1922 г. В предисловии к «Духовидцу» Эверс оплакивал своё одиночество в культурной среде.

В это же время он обратился в Вальтеру Ратенау, на тот момент министру иностранных дел. Оба познакомились ещё в 1911 г. и до сих пор поддерживали связь по переписке. Ратенау соответствовал представлениям Эверса о немецко-еврейской элите, признаки которой он детально представил в «Вампире».

Чувство глубокого уважения в своём тогдашнем кругу друзей Ратенау делил с Артуром Ландсбергером. После убийства Ратенау 24 июня 1922 г. Эверс утратил способность отождествлять себя с Веймарской Республикой. Как и многие немцы, позднее он возлагал свои надежды на Рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга.

1923 год стал кризисным для Веймарской Республики. Рейнская область была оккупирована французами, Рурская — бельгийцами. Сепаратисты объявили эту область Рейнской Республикой, и инфляция достигла высочайшей точки. Эверс, прожи-

вавший в Рейнской области, был крайне потрясён этими событиями. В той государственной форме правления, с которой он мог себя отождествлять, демократии было уделено очень мало места.

Его политическое разочарование, в конечном счёте, нашло выход в романе «Всадник в германской ночи» (1931), в котором Эверс поддерживал нацистское движение.

В 1925 г. Эверс написал научно-популярную книгу «Муравьи».

В 1926 г. его мать скончалась.

В 1927 г. Эверс поменял издателя.

Раздражённый и уставший от бесконечных задержек с оплатой от издательства Мюллера, он перешёл к издательству «Зибен Штебе». Помимо прочих сочинений, он передал им сборник «Из семи морей. Поездки и приключения» (1927) и свой новый роман «Превращённая в мужчину» (1928). В нём раскрывалась тема гендерных метаморфоз. Эверсу даже пришлось сделать рекламный фильм для этого романа.

Вместе с новой компанией «Ганс Гейнц Эверс Продакшн» он планировал экранизировать «Превращённую». Но когда его партнёр сбежал в Буэнос-Айрес с большей частью денег, Эверсу пришлось продать права на роман, чтобы получить возможность финансировать фильм. Для экранизации история была полностью переписана. Комментарий Эверса о результате: «Это не фильм!»

В 1929 г. он был уже на грани. Его брак с Жозефин переживал кризис, а сам он сильно болел.

Отношение к национал-социализму

В 1929 г. Эверс прочёл роман Ремарка «На западном фронте без перемен» и был очень впечатлён. Он решил сам написать нечто подобное. Темой, однако, он выбрал не западный фронт Первой мировой войны, а немецкие фрайкоры¹⁰, которые во

---

¹⁰ Наименование целого ряда полувоенных патриотических формирований, существовавших в Германии и Австрии в XVIII-XX вв.

время Веймарской Республики заключили пакт с правыми. Прототипом своего героя Хельдена Герхарда Шольца Эверс избрал Пауля Шульца, командира Чёрного Рейхсвера¹¹, который был в 1920 г. приговорён к каторжным работам по нашумевшему делу о геноциде после Первой мировой войны в Силезии.

Книга вышла в 1932 г. под заголовком «Котта» и открыла Эверсу путь к праворадикальным кругам. К тому времени он уже состоял в *Немецкой национальной народной партии* (НННП) и, конечно, где-то в 1930 г. высказался о фашистской революции, которую увидел уже в ближайшее время. Также он стал членом *Общества по изучению фашизма*, основанного Вальдемаром Пабстом в 1931 г. Теперь его близкими друзьями были Эрнст Ганфштенгель, с которым Эверс познакомился ещё в Нью-Йорке и который спонсировал НСДАП, Август Вильгельм Прусский, сын Вильгельма II. Свёл он знакомство и с руководящими членами НСДАП, среди которых также были руководитель СА¹² Эрнст Рём и пропагандист Йозеф Геббельс.

Эверс собирал материал для своего последнего романа «Хорст Вессель. Судьба немца» (1932). Убитый в 1930 г. штурмфюрер СА Хорст Вессель должен был, по плану Геббельса, стать образом мученика для националистского движения.

---

¹¹ Нелегальная военизированная организация, созданная в Веймарской республике как попытка обойти навязанный Версальским договором 100-тысячный лимит Рейхсвера. В широком смысле под этим термином также могут подразумевать полувоенизированные формирования различной политической направленности наподобие фрайкора, сформированные в кризисные послевоенные годы.

¹² *Штурмовые отряды* (нем. *Sturmabteilung*), сокращённо СА, штурмовики; также известны как «коричневорубашечники» (по аналогии с итальянскими «чернорубашечниками») — военизированные формирования *Национал-социалистической немецкой рабочей партии* (НСДАП).

Эверс познакомился с семьёй Весселя и его боевыми товарищами. Вполне может быть, что Эверс и Вессель были знакомы ранее — оба изучали право в университете имени Фридриха Вильгельма в Берлине, оба состояли в одном и том же студенческом сообществе — Эверс как старожил, Вессель как подмастерье. Кроме того, Вессель работал над второй версией «Пражского студента» (1926) во время съёмок в Берлине в качестве статиста. Эверс возглавлял работу над фильмом вместе с Хенриком Галееном в качестве режиссёра. Также в биографии Вильфрида Кюгеля он фигурирует даже как тайный автор Песни Хорста Весселя.

Эверс был не рад своей работе над романом «Хорст Вессель». С одной стороны, он хотел передать правду, насколько это было возможно. А с другой стороны, и НСДАП, и семья Весселя снова и снова требовали корректировок во всём, что касалось невесты Весселя, которая ранее была проституткой. В итоге завершённый роман не удовлетворил никого. Ни Эверса, чья художественная свобода сильно подавлялась, ни партию, поскольку книга не соответствовала её политической концепции. И хотя все противники в данной книге были поруганы, всё же ей недоставало желаемой антисемитской пропаганды.

В это же время Эверс заработал себе противников в среде руководящего аппарата НСДАП под предводительством Альфреда Розенберга. Все ранние романы Эверса подвергались критике за свою фривольность и аморальность.

До 1934 года Эверс всё же ещё был на коне, так как занимал надёжное положение в НС-пропаганде. Поэтому в 1933 г. он даже снял экранизацию «Хорста Весселя». Но, конечно, после закрытого предпросмотра Геббельс запретил этот фильм из-за множества недостатков. Тем не менее, после того как некоторые моменты были вырезаны, фильм всё же транслировался в некоторых местах под названием «Ганс Вестмар. Один из многих. Судьба одного немца в 1929-м». Это было в 1933 году.

Hans Westmar

Звезда Эверса закатилась после так называемой Ночи длинных ножей, 30 июня 1934 г. Он тоже попал в список СС «на ликвидацию». «Хорст Вессель» был запрещён, как и первые книги Эверса, в том числе «Найдёныш» и «Альрауне». В конце концов, в этом же году все работы Эверса попали под запрет, за исключением «Рыцаря в германской ночи».

В связи с Нюрнбергскими расовыми законами в 1935 г. немецкие евреи были полностью лишены своих гражданских прав. Эверс поддерживал своих еврейских друзей, добывая им визы в США или Великобританию.

В 1938 г. Эверс собрал всё своё имущество, которое на сегодняшний день хранится в институте Генриха Гейне в Дюссельдорфе. Благодаря череде бесконечных прошений Эверсу удалось добиться отмены запрета на публикацию его работ.

Совместно с издательством «Циннен» Эверс планировал выпустить два сборника своих рассказов: «Самые прекрасные руки на свете» был опубликован вскоре после смерти Эверса в 1943 году, «Белый Волк», вопреки планам, так и не увидел свет. «Самые прекрасные руки на свете» содержал, помимо уже известных, ещё три новых рассказа — одна новелла о путешествии и два сатирических рассказа о национал-социализме — «Мы ловим рыбу» и «Дождевой червь».

В 1943 г. здоровье Эверса сильно пошатнулось из-за профессионального и личного кризиса. Он умер 12 июня 1943 г. в своей берлинской квартире. Его прах в октябре того же года был предан земле на кладбище Нордфридхоф в Дюссельдорфе.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАСТОЦВЕТ	5
ОРХИДЕИ.....	7
ХРИЗАНТЕМЫ	9
ГИАЦИНТЫ	13
АСФОДЕЛЬ	15
БЕЛЫЙ ШИПОВНИК	19
КАШТАНЫ.....	25
ИРИС	27
Биография Ганса Эверса	30

Wilson +
Jupl

